

*Посвящается
Дэнни, Мохиндеру и Зоре*

Поколение снежинок — неформальный, уничижительный термин для обозначения поколения, взросление которого пришлось на начало XXI века. Считается, что они менее стойки и более уязвимы, чем предыдущее поколение.

*Collins English Dictionary.
Copyright © HarperCollins Publishers*

О, снежинки, когда превратились вы в бабушек и матрон, сжимая в ужасе свои жемчуга при одном виде человека с собственным мнением... вы, слабохарактерные и самовлюбленные дети?

Брет Истон Эллис

Миллениалы считают, что им все должны.

*www.dailymail.co.uk,
статья «Миллениалы возмущаются,
что у родителей жизнь
была гораздо легче»*

Нас часто оскорбляют. Почему мы должны скрывать свои чувства? Мы можем использовать энергию своей обиды, чтобы что-то поменять. Очень многие вещи в нашем мире нуждаются в переменах. Почему я не могу попытаться создать безопасное пространство?

*Лив Литл, основательница
онлайн-журнала www.gal-det.com*

КЭТРИН

Я теряю тебя из виду среди защитных жилетов и блестящих шлемов. Все вы на одно лицо... Иэн бы сказал: «Они нас тоже не различают». Я борюсь с усталостью, тру глаза и снова вглядываюсь.

Я ночевала в машине. У меня опять был кошмар. Помнишь, я тебе рассказывала... Он снится мне каждую ночь с тех пор, как мы познакомились. Будто я снова на ферме. Меня окутывает мрак, давит черное небо с красными разводами. Я словно в тумане. Сверху я выгляжу, как сейчас, — коротко стриженные черные волосы и любимая кожаная куртка, а ноги детские — толстые, на них болтаются старые джинсы матери. Меня терзает голод. Я иду босиком, сначала по колючей траве, потом по выжженному полю. Трава уже не просто колючая — она острая как бритва. Я оставляю за собой кровавые следы. Земля вдруг начинает трескаться, тут и там возникают глубокие овраги. Мне нельзя останавливаться, надо идти дальше — впереди калитка, которая ведет на дальнейшее пастбище, и если я дойду до нее, прекратится сон и утихнет голод. Я не вижу мать, но чувствую — она на меня смотрит. Она уверена, что я не дойду, я слишком слаба. Ей всегда нравилось видеть меня слабой. Она хочет, чтобы я остановилась, но я иду, несмотря на боль, спазмы в желудке, разверзающуюся землю. Я упрямо продолжаю переставлять израненные ноги.

Просыпаюсь скрюченная на заднем сиденье своей «Мини». Все тело ноет. Вот до чего ты меня довела. Я ночую в машине, днем иногда отдыхаю в кресле кафе. Сегодня утром я проснулась и поехала. Я не знала, куда еду и зачем. И тут увидела тебя на велосипеде. И поняла, что мне нужно делать.

Мы едем по Де-Бовуар, потом через Шордич въезжаем в Сити. Двигаемся медленно. Пробки. Я следую за тобой неотрывно. На Ливерпуль-стрит ты виляешь между стоящими машинами и скрываешься из виду. На Черч-стрит поток трогается, и я снова тебя догоняю.

Подъезжаем к большому перекрестку.

За последние годы здесь погибло пять человек. Прервалось пять юных жизней, совсем как твоя.

Машина передо мной свернула, теперь я первая у светофора. Кажется, удача на моей стороне. Но нет, мимо просачивается стайка велосипедистов. Поблескивают металлические ручки, сверкают защитные жилеты на юных телах.

Я окружена.

Ищу тебя впереди и в зеркале заднего вида. Тебя нигде нет. Значит, ты проживешь на свете еще один день. Еще один день будешь радоваться украденной работе, квартире, еще одну ночь будешь спать рядом с моим Иэном в постели, которую мы с ним выбирали вместе.

Но нет — вот и ты!

Ты рядом с моей дверью, смотришь вперед, ждешь, когда сменится сигнал. От твоей близости у меня всегда перехватывало дыхание. Сейчас я могла бы протянуть руку и схватить тебя за рукав. Я бы спросила: почему? Почему ты отобрала у меня все, Лили? Ведь я хотела тебе помочь...

Ты протискиваешься в первый ряд, к стоп-линии. Улыбаешься, и тебя, разумеется, пропускают. Твоя улыбка — как лучик солнца. Она греет и освещает все кругом. Она разрушила мне жизнь.

ДРАГОЦЕННАЯ ТЫ

Я двигаюсь за тобой, буквально расталкивая велосипедистов, мне возмущенно стучат по крыше, кто-то кричит: «Куда прешь, дура?!» Ты оборачиваешься на шум, потом снова смотришь на светофор. Не видишь, что я крадусь за тобой. Приподнимаешься на сиденье, накачанные ножки начинают крутить педали, ты трогаешься с места, не дожидаясь зеленого. Нет, Лили, на этот раз не выйдет.

Заднее колесо велосипеда. Я не свожу с него глаз.

Интересно, каково это — почувствовать твое тело под колесами, услышать хруст костей, ощутить запах крови. Крови, которая бежит по твоим жилам, но очень скоро прольется на асфальт, потечет по сливной канаве и закончит путь в безразличных водах Темзы.

Только тогда я смогу нормально жить.

Загорается зеленый.

Я изо всех сил жму на газ.

Шестью неделями ранее

Как они это делают? Я каждое утро видела их на автобусной остановке и поражалась. Повыползали из квартир, которые снимают толпой или на родительские деньги, и стоят себе спокойно. Жить, конечно, хотят не здесь, а ближе к центру, только вот средств пока не хватает. Автобус на двадцать минут опаздывает, а этим молоденьким хоть бы хны. Почему нынешним девочкам и мальчикам до тридцати совершенно наплевать, опаздывают они на работу или нет? Я решила при удобном случае спросить Иэна и принялась строчить эсэмэску своему помощнику, Азифу, в надежде, что он хоть как-то меня утешит. На работе в последнее время не ладилось, и я остро нуждалась в поддержке. Тот понедельник был началом дивного нового мира для нашего журнала: новые владельцы, новый издатель, еще один шанс. Во что бы то ни стало нужно произвести хорошее впечатление, но мироздание явно против меня — ни одного автобуса.

«Автобуса нет! Написать, что опаздываю, или еще подождать?» — набрала я.

Ответ был не слишком вразумительный: «Как выходные? Новый издатель уже здесь. Даже не знаю. Удачи».

Тем утром я стояла и смотрела на окна своей квартиры — с остановки видны разошедшиеся рамы. Помню как сейчас: на мне была свободная блузка со стоячим ворот-

ничком — специально купленная накануне, длинная юбка-карандаш с разрезом почти до бедра и черная кожаная куртка, которую я всегда носила на работу. По-деловому и в то же время смело — чтобы не подумали, будто я пытаюсь угодить свалившемуся на меня новому начальству (хотя я, конечно, пыталась).

Надо сказать, начало рабочей недели давно меня не радовало. Во-первых, после двадцати лет упорного роста я вдруг поняла, что теряю форму. Во-вторых, юные, полные сил стажеры мозолили глаза, напоминая о несбывшихся надеждах. Однако больше всего мучил страх, липкий ужас, что они обязательно спросят: «Как прошли выходные?» В другие дни меня, казалось, никто не замечал (не то что раньше, когда мне было слегка за двадцать и карьера шла в гору). А в понедельник как назло лезли с вопросами.

Трудно не чувствовать себя ущемленным в компании миллениалов. Молодые и дерзкие, они наперебой рассказывали, как обежали весь Лондон, встретились с миллионом друзей-приятелей со всех концов и окраин. Мне же хотелось сквозь землю провалиться. Вдруг обнаружится, что и субботу, и воскресенье я опять просидела дома с Иэном? Иногда я даже назначала телефонные переговоры на девять утра, чтобы не слушать их болтовню. В сравнении с бесконечными свиданиями-клубами-театрами-галереями мое существование казалось еще более жалким. Последнее время, если кто-то умудрялся задать мне ненавистный вопрос, я беззастенчиво врала: «Виделись с давними друзьями. Хорошо посидели».

Я уже вся извелась, когда вдалеке показалось такси. Украдкой бросая взгляды на дорогу, я стала тихонько продвигаться к обочине, а потом успокоилась — такси никого, кроме меня, не интересуется. У публики с автобусной остановки никогда нет денег. Денег нет, а вот времени — вагон. Их жизнь — сплошной круговорот. Мероприятия, знаете ли, сами себя не посетят: выстав-

ки, мастер-классы, а еще перепробовать все брускетты авторской работы и обязательно разместить в соцсетях фоточки, в общем, творить направо и налево не покладая рук. От них так и веяло уверенностью и энергией. Это выматывало. Я еще раз оглядела остановку — не претендует ли кто на такси? И увидела тебя. Ты была другая. Тоже уверенная и свободная — наверное, так и бывает, когда родители любой твой чих встречают бурной овацией. И все-таки чувствовалось в твоём взгляде и нечто иное, намек на тоску, неприютность. Мне вдруг показалось, что хоть ты и одна из них, у нас с тобой есть общее. Ты тоже явно нервничала, что опаздываешь. В тебе удивительно сочетались оба поколения: молода, как они, но в то же время словно старше их и глубже, как я. На тебе была коротенькая кожаная юбочка, помнишь? У меня есть такая же, раньше я, как и ты, носила ее на работу. Ты тоже была бледна. Только твоя кожа в отличие от моей не имела ни единой морщинки, ни единого изъяна, кроме, пожалуй, черной полоски на лбу. Ты приковала мой взгляд. Я словно увидела свое отражение, или точнее, саму себя в прошлом. Не таком уж далеком, но уже безвозвратном. Мне захотелось узнать тебя поближе, выяснить — правда ли мы похожи.

Машина почти подъехала, и я подумала — может, стоит тебя подвезти? Оглянулась еще раз. У тебя был ноутбук в желтой папке на завязках. Ты держала ее одной рукой, а другой нервно теребила тесемки. Переминалась с ноги на ногу, почесывала подбородок. Я уже взялась за ручку двери, но захотела взглянуть на тебя последний разок, прежде чем лондонская суета растащит нас в разные стороны. Кольнула мысль, что твой образ будет преследовать меня до вечера, придется рассказать о тебе Иэну — о девушке с автобусной остановки, которая напомнила мне меня в молодости.

Оказалось, ты тоже за мной наблюдаешь.

Наши взгляды пересеклись, ты закусила губу — оран-

жевую, как летний закат, и опять почесала подбородок. Потом снова посмотрела на дорогу — не едет ли автобус.

Подвезти, конечно, можно, но о чем мы будем говорить? Хотя ты, вероятно, сразу же уткнешься в телефон, как это у вас принято, и разговаривать не придется. А как, интересно, ты собираешься расплачиваться, если у молодежи вечно нет наличных? Наверно, попросишь номер карты и переведешь. Вполне разумно... Или так уже никто не делает? Может, есть специальное приложение для подобных случаев, которое я, к своему стыду, до сих пор не скачала? А вдруг ты предложишь пообедать вместе, чтобы вернуть мне двадцатку? Съедем по бургеру. Проговорим несколько часов подряд... Иэн бы сказал: «Не тушуйся! Пусть знают наших!»

Да нет, ерунда какая-то. День и так не задался, зачем мне лишние неприятности? Я открыла дверцу и собиралась сесть, но ты вдруг оказалась прямо за спиной. Я даже подпрыгнула от неожиданности, когда ты заговорила:

— Простите, вы ведь едете в южном направлении? Не подвезете меня?

Я успела заметить, что зубы у тебя идеально белые и ровные.

— В принципе да, мне к Боро-маркет, но...

— Отлично! Мне тоже! Ой, только совсем нет наличных...

Поверх твоего плеча я заметила, что бородато-лохматая публика на остановке приходит в движение, недоумевая, как им самим не пришло в голову вписаться в мою машину. Сейчас сообразят скинуться, пошарят в карманах и насобирают горстку замусоленных монеток. Нет уж, лучше взять тебя.

— Ничего, садитесь! — решила я.

Выбрала из двух зол меньшее.

— Правда? Вы действительно не возражаете?

Я уже согласилась, но ты заставила согласиться дважды. Фирменный прием — его ты не раз еще применишь —